

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора философских наук, профессора кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА **Котельникова Михаила Евгеньевича**

на диссертацию **Шулико Георгия Андреевича «Понятие «революционная практика» в философии неомарксизма»**, представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия

Диссертационная работа Г.А. Шулико посвящена весьма актуальной проблематике, связанной с философским анализом базового не только для неомарксизма, но и марксизма в целом - понятия *революционной практики*. Актуальность темы философского осмысления революции, как справедливо отмечает автор, связана, разумеется, не только с революционными юбилеями последних лет: «нарастающая мировая социально-политическая нестабильность, начиная с конца 2000-х, обеспечивает всё более стабильный интерес к Марксу и его наследию».

Цель своей работы автор видит «в том, чтобы обнаружить возможные основы концептуальной целостности неомарксистского понимания революционной практики».

На основании проведенного исследования диссертант приходит в заключении к неутешительному выводу о том, что неомарксистское понимание революционной практики, а вместе с ним и всю философию неомарксизма постигла «довольно незавидная» в своей предсказуемости судьба. Таков, по его мнению, финал «большинства философских проектов, имеющих политическую подноготную». Что же касается западных марксистов, пишет он, то они «оказались неспособными выработать собственную революционную стратегию в тех новых исторических условиях, когда прежний опыт переставал быть релевантным и нуждался в обновлении».

Соглашаясь с выводом диссертанта в этой части, т.е. применительно к рассмотренным в его исследовании *традиционным в отечественной и зарубежной литературе* фигурантам неомарксизма, нельзя, на мой взгляд, не возразить по поводу того, что с конца XX столетия философская мысль, якобы, утрачивает *непосредственную* связь с марксизмом классическим, а равно и с неомарксизмом в адекватном для них понимании революционной практики.

В публикациях отечественных обществоведов с конца 80-х гг. XX в. переход человечества в новое, более высокоразвитое состояние анализируется уже с позиции отхода от безраздельно господствовавшей ортодоксальной версии марксизма. Правда, в постсоветский период анализ позднего капитализма в рамках позитивно-критического, творчески развиваемого марксизма продолжила лишь сравнительно небольшая часть исследователей, среди которых выделяются работы А.В. Бузгалина. Согласно общей позиции этой группы теоретиков факторами, определяющими социальный прогресс в планетарном масштабе, становятся предсказанные Марксом процессы, происходящие «по ту сторону материального производства», а его критерием - преодоление всех форм отчуждения и создание предпосылок гармоничного и свободного развития человека в диалоге с природой. Этот социально-экологический императив современной эпохи, свидетельствующий о *самоотрицании капитализма*, реализуется, однако, как отмечают представители «критического» марксизма, в чрезвычайно противоречивых, зачастую уродливых, превращенных формах.

На протяжении многих десятилетий вплоть до недавнего времени выявленную Марксом тенденцию перехода к «научному производству» и обусловленное им иное понимание общественной собственности (как вне-экономической – культурной – категории) в социально-философском контексте весьма продуктивно исследовал В.М. Межуев.

Созданные в том же – позитивно-критическом – формате, выходят в свет работы присутствующего здесь в качестве оппонента уважаемого Б.Ю.

Кагарлицкого, посвященные уже непосредственно анализу современного этапа революционной практики.

Подчеркну, что я не ставлю перед собой задачу перечислить всех профессионально занимающихся философией авторов, чьи произведения так или иначе базируются на позитивном отношении к классическому марксизму. Даже если исключить из этого обширного списка марксистов ортодоксальной ориентации, он останется достаточно внушительным.

Из современных зарубежных неомарксистов необходимо, разумеется, прежде всего, назвать имя хорошо известного американского экономиста и социолога И. Валлерстайна. Представленный в его работах ряд концептуальных идей настолько же актуален, насколько методологически аргументирован и продуктивен. Если экстраполировать суть разрабатываемого им *мир-системного подхода* в плоскость социально-философской экспликации, можно легко обнаружить в нем подтверждение все той же марксовой диалектики самоотрицания капиталистического способа производства. «Слабость капитализма, - по словам Валлерстайна, - в воплощении его же целей, в его *полной самореализации*». Это - «осевое», т.е. социально-философское, теоретическое положение марксизма, ценность которого обусловлена его доказательностью средствами политэкономического анализа. По утверждению Валлерстайна, марксизм сохраняет богатство своего содержания и «вдохновляет реальные силы общества... как критика современности и ее исторического проявления – капиталистической мироэкономики».

Возвращаясь к диссертационной работе, уместно спросить: если вслед за марксизмом классическим неомарксизм как его продолжение квалифицировать в качестве *исчерпанного*, а, значит, и *преодоленного* в социально-философском формате теоретического знания, какая же социальная теория приходит им на смену? Ведь, как говорится, «свято место пусто не бывает». А без теории развития социум, как бы то ни было, коль скоро он существует, обойтись не может. По умолчанию остается

предположить, что реванш сохраняется все за тем же «непотопляемым» и «сверхживучим» либерализмом. Но такое предположение является более, чем спорным. Все мы можем свидетельствовать, что под грузом глобальных проблем либерализм демонстрирует сегодня скорее свою всевозрастающую беспомощность, чем успешность, не оставляя, таким образом, человечеству, по крайней мере, большей его части, шансов на выживание.

Что же касается легитимности таких понятий, как «постмарксизм», а равно и «трансмарксизм», то они вообще относятся к разряду тех используемых в общественном знании *псевдопонятий* (в частности, это т.н. «суверенная или управляемая демократия», «многополярный мир» и др.), которые базируются на логически взаимоисключающих признаках, в связи с чем традиционная логика именует их *пустыми*.

Разумеется, тот отмеченный автором диссертации примечательный факт, что неомарксизм в лице всех его традиционных представителей «не пережил краха «реального социализма», весьма симптоматичен. Из него следует, в частности, что при всей значимости многолетнего интеллектуального противостояния, теоретико-методологические установки ортодоксального советского марксизма и западного неомарксизма как «первой», так и «второй» волны, парадоксальным образом совпадают, причем именно в понимании «революционной практики».

Но тогда в очевидном противоречии с этим выводом находится утверждение автора диссертации о том, что «революционная практика именно в том виде, в каком она представлена в неомарксизме 1920-х – 70-х, позволяет продуктивно исследовать философские содержания темы революции». О какой «продуктивности» исследования может идти речь, коль скоро философские изыскания неомарксизма (уточняю: в том виде, в каком он традиционно рассматривается в литературе и становится объектом анализа в диссертации), оказались, как отмечает сам диссертант, не созвучными запросам самой революционной практики?

Вместе с тем, диссертант логически вполне обоснованно со ссылкой на Ленина замечает, что «проблема сегодняшнего дня состоит не в отсутствии революционной ситуации, а в субъективном факторе, превращающем ситуацию в нечто большее». Однако вся сложность данной проблемы и заключается в том, что решаться она должна совсем не так, как представляли себе ортодоксальные марксисты и неомарксисты из числа рассмотренных в диссертации.

Достаточно изменить парадигму исследования - перейти от общепринятой - «волновой» - парадигмы эволюции неомарксизма к той, которую можно столь же условно именовать «*коррелятивно-субъектной*», и картина «концептуальных оснований революционной практики в неомарксистской философии» будет выглядеть принципиально отличной.

Поскольку без учета данной парадигмы заявленная в диссертации тема остается, как мне представляется, не раскрытой в полном объеме, я использую те «резервы» и заделы, на которые указывает сам автор.

Исходным пунктом для понимания сущности революционной практики, безусловно, служит лаконичная формулировка Маркса, содержащаяся в третьем тезисе о Фейербахе: «*Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности* может рассматриваться и быть рационально понято только как **революционная практика**». Будучи предельно общей, именно она и должна служить тем компасом, показания которого позволяют рассмотреть искомое понятие с социально-философской точки зрения, т.е. «целостным образом и не потеряться в деталях».

По мысли Маркса, вполне адекватно интерпретируемой диссертантом, социальная практика является *революционной постольку, поскольку* рассматривается «как прямое продолжение *разрушительного* характера *производительных сил современного ему общества*». Иначе говоря, она включается в контекст тех комплексных по своей природе изменений в динамике производительных сил, которые свидетельствуют о начавшейся

социальной революции. И потому принципиальное значение имеет ссылка Г.А. Шулико на *различные* формы революционной практики: *научно-техническая* революция, *производственная* революция, *социальная* революция, *политическая* революция. Проблема здесь заключается только в том, чтобы последовательно придерживаться выбранного ракурса исследования. И, коль скоро, таковым в диссертации заявлена «неомарксистская традиция *философского* осмысления революции», непозволительно было бы переходить на иной, менее глубокий, уровень анализа, угрожающий утратой концептуального статуса базового понятия.

Между тем, диссертант дает повод для подобных сомнений, когда заявляет о том, что к концу 1840-х гг. данное понятие лишается своего философского содержания в работах самих основоположников. После поражения череды революций в условиях наступившей политической реакции марксизм, пишет он, «потерял концептуальные основания» прежнего «гносеологического оптимизма». А следующим поколением марксистов «понимание революционной практики как философского инструмента» и вовсе было забыто, будучи отброшенным за ненадобностью. Но так ли это?

Начнем с Энгельса, которому достается больше всего, поскольку, по словам диссертанта, для него «революционная практика представлялась явлением политическим, историческим, но никак не философским».

Действительно, в отличие от Маркса, Энгельс не углубляется до выявления собственно философской сущности революционной практики, как это следует из последней его работы - Предисловия к «Классовой борьбе во Франции». (1895 г.) При этом он не отказывается от идеи социального «переворота», хотя именует его «социал-демократическим», т.е. таким, «которому в настоящий момент *идет на пользу как раз соблюдение законов*». В происходящей смене тактических и корректировке стратегических приоритетов - легальных и нелегальных средств борьбы - Энгельс усматривает проявление вездесущей «*иронии истории*». История, пишет он,

развеела многие иллюзии и «рассеяла заблуждения». «Существенно изменились» и условия борьбы пролетариата. «Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела». Впрочем, «даже в классические времена уличных боев баррикада оказывала больше *моральное* воздействие, чем материальное... Вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться *легальной* деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, - чем успехов восстания». Даже через двадцать лет после описываемых Марксом событий господства рабочего класса было *невозможно* «добиться... посредством простого внезапного нападения».

Итак, из приведенного фрагмента следует, что об утрате Энгельсом «гносеологического оптимизма» говорить не приходится. Напротив, он связывает растущие успехи немецкой социал-демократии с успешным использованием всеобщего избирательного права, демонстрирующим «*совершенно новый способ борьбы пролетариата*». Причем мнение Энгельса в решающем пункте совпадает и развивает точку зрения Маркса на роль узаконенных демократических методов в борьбе за политическое господство пролетариата. Другое дело – насколько соответствует их общая позиция ожиданиям «учеников» и прежде всего тех, кого мы относим к «неомарксистам».

Остается выяснить, во-1-х, лишается ли своего философского содержания понятие революционной практики в работах Маркса, начиная с 50-х гг. XIX в.? И, во-2-х, в какой мере опыт европейских революционных выступлений 1917 – 1923 годов становится «исходной точкой для реактуализации *философских* смыслов как самой революционной практики, так и соответствующего понятия – в работах классиков неомарксизма». Точнее говоря, какова степень релевантности понимания революционной практики в неомарксистской философии «эталонному» определению Маркса из тезисов о Фейербахе?

Дифференцируя в дальнейшем понятие человеческой деятельности, Маркс выделяет в структуре движущих сил исторического процесса деятельность *живую* и *опредмеченную*. Последняя выявляет основную, магистральную линию развития на том или ином этапе, - линию, в которой воплощена объективная историческая необходимость, выражающаяся в закономерной смене общественных формаций и их фаз. Поэтому в качестве объективного фактора она, в конечном счете, детерминирует фактор субъективный.

Однако эта детерминация осуществляется в парадоксальной ситуации сформулированной Марксом закономерности *возрастания роли субъективного фактора в общественном развитии*. Содержание этого противоречия, составляющего *парадигмальную загадку марксовской философии истории*, далеко не всем последователям Маркса, не говоря уже о противниках, удастся *диалектически* интерпретировать. Трансляция его за пределы социально-философской экспликации (где оно представлено в корреляции формационной и деятельностной парадигм) в сфере классовых отношений создает очередную методологическую «ловушку», поскольку идеологически-однозначный подход к его разрешению строится уже не на диалектическом, а на *формально-логическом* основании. Речь идет о том, что по правилам формально-логической экспликации истинность одной из взаимоисключающих посылок означает ошибочность другой. А если *возрастает* роль субъективного фактора, не означает ли это потенциальную возможность *недооценки* фактора объективного?

И здесь в полной мере проявляется значимость *диалектического* метода, который Г.А. Шулико упоминает в качестве основного, отвечающего всем предъявляемым к проведенному исследованию требованиям.

Что же касается существа используемого Марксом метатеоретического основания, вопрос этот, по мнению диссертанта, остается открытым. «Неизвестно, - пишет он, - предполагал ли Маркс, что предложенный им подход когда-нибудь может быть применен к самому марксизму и его

собственной истории; между тем, самоприменимость давно стала одной из характерных черт марксистской традиции».

Но здесь не все так просто, как представляется диссертанту. Дело в том, что при жизни Марксу неоднократно приходилось отстаивать теоретико-методологическую «чистоту» созданного им учения от фальсификаторов из числа, казалось бы, вполне «правоверных» единомышленников. Имея в виду такого рода «марксистов», Маркс говорил: «Я знаю только одно, что я не марксист». Он также обращал внимание на то, что русские интеллектуалы «всегда гонятся за самым крайним, что дает Запад». Энгельс, в свою очередь, по поводу «неоднократных уверений» Э. Бернштейна в том, что «марксизм» сильно дискредитирован во Франции», в письме к нему от 2-3 ноября 1882 г. пишет: «... Так называемый «марксизм» во Франции совсем особого рода, такой, что Маркс сказал однажды Лафаргу: «Ясно одно, что сам я не марксист». "Если они так толкуют мои произведения, - писал Маркс Энгельсу, - то я не марксист! Избавь меня Бог от таких марксистов».

Автор диссертации справедливо указывает, что «Маркс вошел в марксистскую традицию не как теоретик, но как практик диалектики, практик антиметафизики», причем «в том смысле, в каком понимал диалектику и метафизику Энгельс». Вместе с тем, нельзя ставить арифметический знак равенства даже между теоретическими представлениями Маркса в их *реальной полноте* и методологическим потенциалом созданного им учения. Далеко не на все вопросы социально-исторической практики Маркс имел возможность предложить исчерпывающие ответы, а нередко считал это и нецелесообразным.

Но если с его диалектической идентификацией все обстоит вполне определенно, то этого нельзя сказать о «самоприменимости» марксистской традиции.

Постановка сформулированной Г.А. Шулико «задачи по выработке адекватного самосознания философской системы», безусловно, заслуживает внимания. Диссертант ссылается в этой связи на отмеченное Марксом

«различие между философскими системами «в себе» и «в качестве осознанной системы». Действительно, в истории философской мысли мы нередко сталкиваемся с подобной ситуацией. Классическим примером может служить философия Гегеля, который, по выражению Энгельса, приносит в жертву «внутренним нуждам системы» обессмертивший его имя поистине революционный метод познания.

В отличие от него Маркс не претендовал на разрешение всех противоречий. Но правомерно ли говорить о полном совпадении представленного в классическом марксизме теоретического знания с собственными представлениями Маркса на этот счет?

Будучи в высшей степени оригинальной теоретической конструкцией, социальная философия Маркса представляет собой на протяжении большей части своей истории обширное проблемное поле для разных воззрений, *повторяя* (в некотором смысле) процесс разложения гегелевской школы. Даже сформулированная с последовательно материалистической позиции концепция исторического процесса оставляла возможность неоднозначной интерпретации. Ее противоречивость, как было отмечено выше, выражалась в формировании фактически одновременно двух основополагающих и противоположных парадигм.

С этим связана и чрезвычайно дискуссионная проблема (преимущественно в истории западного марксизма) его «*аутентичности*», которая и сегодня относится к числу наиболее актуальных.

Правда, в отличие от диссертанта, который полагает, что «своими корнями эта дискуссия уходит вглубь второй половины XIX века», мне представляется, что точкой ее отсчета выступает *бифуркационный разлом*, датирующийся 1895 г. и положивший начало незавершившемуся и сегодня *кризису* марксизма.

Обозначением кризисного состояния в марксизме служат сформировавшиеся, как я их именую, *базовые логико-интерпретативные* версии марксизма, число которых строго ограничено, поскольку

выстраиваются они на разных логико-методологических основаниях. В историческом развитии марксизма чем дальше, тем больше давали о себе знать противоречия, обусловленные, в конечном счете, неполнотой совпадения «буквы» и «духа». Весь драматизм новейшей истории и состоит в том, что, следуя логике эволюции учения Маркса, его многочисленные последователи просто *вынуждены* были исходить из первичности одной из них или, иначе говоря, *выбирать*, «глотаая» в этом смысле марксизм «по частям».

Примечательно, что даже И.В. Сталин, будучи, по классификации Энгельса, классическим представителем метафизического способа мышления, фарисейски формулирует рекомендацию - «уметь различать между *буквой* и *сущностью* марксизма, между *отдельными* положениями и *методом* марксизма». (Курсив мой. – М.К.)

Точно также, как в формате инициированной Ф. Энгельсом постановки основного вопроса философии удается осуществить общую типологизацию историко-философского процесса, так и формулировка основного противоречия марксизма (сокращенно - ОПМ) позволяет Концепт *основного противоречия* представлять собой своеобразный «генетический код», сфокусированный в логике исторического развития марксизма и его социальной философии, в частности. Это последовательная проекция противоречия между практикой социальных преобразований «под знаменем марксизма», с одной стороны, и ее рефлексией в сфере теоретического знания, - с другой, где обнаруживается, в свою очередь, принципиальное расхождение в функциональном предназначении научной методологии и политической идеологии, а применительно к собственно методологическим основаниям – существенное различие в природе таких теоретических метамоделей, как *формационная* и *деятельностная* парадигмы

Что касается неомарксизма, то в судьбе этого достаточно популярного на Западе термина причудливо отразились разные представления о *многопорядковой* сущности марксизма.

Как правило, с «неомарксизмом» ассоциируется альтернатива его ортодоксальной разновидности. Хотя, например, выдающийся отечественный историк и богослов В.В. Зеньковский, автор популярного двухтомника «История русской философии», именно Ленина считал «основоположником неомарксизма».

Как отмечает диссертант, «неомарксизм не представляет собой четко оформленное понятие; в большинстве случаев это шапочный термин, используемый историками философии и специалистами в социальных и гуманитарных науках для обозначения довольно широкого круга мыслителей, чья интеллектуальная биография была так или иначе связана с именем Маркса и которые по той или иной причине не могут считаться ортодоксальными марксистами или антимарксистами».

Итак, первый и наиболее значимый критерий принадлежности к неомарксизму – это исключение (естественно, наряду с его явными идеологически непримиримыми противниками - антимарксистами) из числа его представителей той части марксистов, которую именуют *ортодоксальной*. Проблема, однако, в том, что и в отечественной, и в зарубежной литературе критериальный подход в определении специфики марксистской ортодоксии до сих пор не обладает достаточной определенностью. В значительной мере этим обстоятельством объясняется и тот факт, что даже в первой четверти XXI в. мифологемы, сконструированные ортодоксальными марксистами, остаются не выявленными и теоретически не преодоленными.

Понятие ортодоксии имеет, как известно, религиозные корни. В этимологическом значении слова под ортодоксией понимается *неуклонное следование правоверных приверженцев какому-либо направлению* учения. Но все дело в том, что для оппонентов Э. Бернштейна в условиях озвученного им идентификационного кризиса марксизма термин «ортодоксия» служил общим «символом веры» (*credo*). Поскольку пафос ревизионизма был направлен непосредственно против диалектической сущности марксизма, вполне

естественным казалось убеждение в том, что «ортодоксия», как утверждал по примеру всех сторонников этого направления Д. Лукач, «относится исключительно к методу».

Именно поэтому я не могу согласиться с существующим представлением, а равно и с мнением диссертанта о том, что Д. Лукач, подчеркивая «свою приверженность к марксистской ортодоксии», в литературе понимал ее весьма *неортодоксально*. Это как раз тот случай, когда оценка и самооценка в принципиальном отношении совпадают. Данным обстоятельством обусловлены и нарекания Лукача, адресованные Энгельсу. Последний, в свою очередь, подчёркивал, что «...люди, выдающие себя за ортодоксальных марксистов и превратившие идею нашего движения в окаменелую догму, которую надо заучивать наизусть, представляют собой обыкновенную секту».

Между тем, в практике политической борьбы становилось все более очевидным, что ортодоксия не применима в рамках диалектической философии, для которой, по выражению Энгельса, «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого». Зато атрибут «ортодоксии» оказывается вполне органичным для идеологической теории. В итоге, будучи отождествлен с идеей «диктатуры пролетариата», этот критерий уже на протяжении целого столетия прочно ассоциируется с приверженностью «букве» классического марксизма и служит обозначением исторически тупикового направления в нем.

Парадокс состоял, однако, в том, что ни расширение сферы применения наемного труда, ни интенсивное, опережающее развитие индустриального сектора экономики не приводили в западноевропейских странах к ожидаемому революционному «катастрофизму», т.е. обострению социального антагонизма, перерастающему по сформировавшейся схеме в окончательный «крах» капитализма. Более того. Прогрессирующая поляризация общества на буржуазию и промышленный пролетариат, достигнув известного (далеко не абсолютного) предела, обнаружила *ревер-*

сивный характер своего протекания в виде интенсивно формирующегося «среднего» класса. Чем дальше продвигался этот процесс, тем очевиднее становилось, что с построением индустриального общества «субъект» революционного действия приобретает иные, чем несколькими десятилетиями ранее, очертания.

Весьма симптоматично, что в ленинской оценке империализма при всей «объектной» теоретической полноте представленных в ней социально-экономических и политических признаков качественно нового этапа (правомерность выделения которых не оспаривал, кстати, никто из оппонировавших ему марксистов) игнорируется именно тот ряд явлений, который выражает, на языке марксистской методологии, *диалектическое тождество объекта и субъекта*. Ленин фактически (но, разумеется, не на словах) не просто *отступает* от этого философского «*pricipia*» марксизма, но, весьма эффектно используя незаурядный интеллектуальный ресурс и «убойную» силу идеологической аргументации, убеждает многих (и не только российских) последователей Маркса, в обратном: *при любых изменениях* в капиталистическом обществе положение индустриального пролетариата как «самого передового класса», а, следовательно, и эксклюзивная политически-монополярная роль коммунистической партии как его авангарда, остаются *неизменными*.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс, как известно, указывают на то принципиально значимое обстоятельство, что буржуазия превращает в своих наемных работников представителей не только материального, но и духовного производства. Энгельс использует понятие «пролетариат умственного труда». А Ленин считает своим долгом поддерживать получившую распространение в социал-демократической среде совершенно абсурдную постановку вопроса о наличии «антагонизма» между рабочим классом и интеллигенцией. В ущербности этой позиции, характерной для всех представителей ортодоксального марксизма и воспроизводимой вплоть до настоящего времени, отразилась историческая

ограниченность классового подхода, обозначенного контурами индустриальной эпохи.

Свое истинное значение она приобретает лишь в качестве «теоретического обоснования» эксклюзивной (монополистической) роли партии «нового типа» в России.

Между тем, формирование «когнитариата» как носителя новой, исторически прогрессивной – интеллектуальной формы собственности, - не только не противоречит методологически-основополагающим (социально-философским) установкам марксизма, но является самым веским подтверждением прогнозируемого Марксом превращения науки в непосредственную производительную силу и продиктованных этим фактором совершающихся на наших глазах беспрецедентных социальных изменений. В общеисторическом измерении эта закономерность также находит подтверждение в том, что побеждает не тот класс, который начинает борьбу за свое социальное освобождение, а тот, что идет ему на смену. Разумеется, с поправкой на то, что речь идет о классе эксплуатируемом.

Что касается формата революционной практики, то проблема заключается в том, что, фактически уже являясь основной производительной силой общества, интеллектуальный пролетариат все еще остается «классом в себе» и по уровню своего классового самосознания в целом, к сожалению, не намного отличается от западноевропейского *индустриального* пролетариата двухсотлетней давности.

Будучи синтезом философии, науки и идеологии, марксизм базируется на принципах, интегрирующих эти существенно различающиеся формы общественного сознания во *внутренне противоречивую систему теоретического знания*, своего рода «систему сообщающихся сосудов». Причем, выявляя особенности современного этапа развития научного знания, нельзя не указать на происходящую в современную эпоху смену самой стратегии научного поиска, связанную с утверждением *постнеклассического*

типа научной рациональности, в обосновании которого исключительная заслуга принадлежит Марксу. Именно ему впервые удалось создать целостную общенаучную картину мира за счет экспликации органической связи внутринаучных целей с внеучными, социально значимыми (гуманистическими) ценностями и целями. Благодаря введению «антропного принципа» в формируемый идеал научной рациональности техногенная цивилизация и приобретает реальный шанс на выживание и трансформацию в новое качественное состояние.

Вот почему я совершенно не разделяю пафоса диссертанта по поводу того, что философия и наука, будучи в этом измерении однопорядковыми с обыденным мышлением, являются «особыми формами идеологии». А «обращение к метафизике как идеологии в её эпистемологическом понимании, - подчеркивает диссертант, - представляется крайне продуктивным в рамках данного исследования».

Дело в том, что наука имеет собственную, хорошо всем известную систему критериев истинности теоретического знания, не совпадающих прямо и непосредственно с идеологической позицией исследователя. По этой причине классический марксизм остается, хотя и, разумеется, далеко не в полном объеме, востребованным и со стороны ученых *немарксистской* ориентации. Идеологическая ангажированность «в чистом виде», т.е. вопреки критериям научности, представлена только в аргументации *антимарксистов* и... марксистов *ортодоксального* направления.

Провозгласив идеологическое содержание марксизма *непререкаемой* (т.е. по сути, абсолютной) истиной, ортодоксальный марксизм порывает тем самым с принципами научного познания. И весь опыт советского периода убедительно доказывает, что *идеологизация* научного знания означает *разбалансировку* диалектического единства «составных частей» марксизма.

Идеология представляет, на мой взгляд, ту часть мировоззрения, наличие которой позволяет индивиду определить свое место в социальной структуре через идентификацию с потребностной детерминацией и мотивацией

определенной социальной группы. Идеология может быть научной, если она опирается на теоретико-методологический комплекс, конституирующий науку как форму общественного сознания.

Критическая интенциональность Маркса по отношению к идеологии определяется прежде всего ее идеалистическим и вследствие этого иллюзорным характером. В «Немецкой идеологии» и позднейших работах основоположники понимают под идеологией многочисленные идеалистические концепции, состоящие в конструировании мнимой реальности, выдаваемой за действительность. идеологию в качестве сознания иллюзорного – слишком прямолинейно и однозначно. Но это, как мне представляется, все же не ошибка, а исторически обусловленное заблуждение. Ибо фактически классическому марксизму обязана своим возникновением качественно *новая идеологическая теория*. Мы ведь не можем сегодня не дифференцировать идеологию, по крайней мере, на прогрессивную, консервативную и реакционную. Однако при этом не следует забывать, что любая - в том числе и самая революционная – идеология *консервативна* уже постольку, поскольку ориентирована на сохранение и пролонгацию своего бытия.

Что касается философии, то, вопреки чаяниям и несбывшимся надеждам ряда философов, начиная с И. Канта, о которых упоминает диссертант, она не может быть приравнена к конкретно-научному знанию по той простой причине, что в этом варианте неизбежно утрачивает свою специфику. Вместе с тем, именно благодаря классическому марксизму, философия вполне способна опираться на науку, т.е. приобрести, как и идеология, статус *научной*.

С учетом изменений, происходящих в современную эпоху постиндустриализма и глобализации, проявляющихся отчетливо в динамике наиболее развитых стран мира и находящих отражение также в сфере методологии научного познания, правомерно, на мой взгляд, говорить о наличии

предпосылок, свидетельствующих о *завершении* кризисного состояния марксизма, т.е. о «фазовом» переходе к новому, третьему этапу.

На мой взгляд, рассмотренным в диссертации представителям неомарксизма, начиная с Д. Лукача, по разным причинам не удастся выйти на уровень социально-философского анализа революционной практики, соответствующий «эталону» классического марксизма. В понимании природы качественно нового субъекта революционных изменений они не идут дальше большевиков. Диссертант, к сожалению, не улавливает эту тенденцию «ползучей политизации», ограничиваясь лишь указанием на «тесную прослеживаемую на многих уровнях взаимосвязь между неомарксизмом и большевизмом как феноменами интеллектуальной истории XX века». Правда, в ином контексте диссертационного исследования он вполне адекватно формулирует потенциальную возможность ситуации, когда «революционная практика «оказывается по существу лишь политическим переворотом, в лучшем случае дополненным планом восстания». В то время как «классический марксизм отличается... *более широким* пониманием революционной практики, чем бланкизм».

В этом отношении гораздо более продуктивным представляется тот вклад в развитие марксистской теории в целом и революционной практики, в частности, который принадлежит тем, кого традиционно причисляют к «эпигонам», «догматикам», «оппортунистам» и т.д.

Первым неомарксистом, на мой взгляд, есть все основания считать К. Каутского. Он не был профессионально подготовленным философом и не скрывал этого, но уровень свойственной ему философской рефлексии не идет ни в какое сравнение с дилетантизмом в этой области знания Э. Бернштейна. Высказанные Каутским соображения, на мой взгляд, в полной мере соответствуют формату научного прогноза, нашедшего свое подтверждение. Применительно к его концепции «ультраимпериализма» это выразилось в произошедшем после окончания второй мировой войны крушении колониальной системы. Точно также подтвердился к концу XX в. и

сформулированный им лозунг «союза государств» («Соединенных Штатов Европы»). Но особое внимание я бы обратил на то обстоятельство, что в своих теоретических разработках Каутский не отступает от принципов диалектической методологии. В отличие от Ленина, который использует ее весьма избирательно.

В частности, заслуживает внимания дифференцированный подход Каутского к определению понятий *социальной* и *политической* революции. «Социальная революция и политическое восстание, - пишет он, - два совершенно различные понятия. Однако не только социальную, но и политическую революцию нельзя приравнивать к восстанию». Каутский ссылается на то, что «мы не можем ничего сказать и о том, когда, при каких обстоятельствах» революция «наступит и в каких формах будет протекать». Если речь идет о социальной революции, то такое ее понимание не только не противоречит социально-философской позиции Маркса, но вполне ей соответствует. А, значит, определяет и алгоритм революционной практики. Ведь по Марксу, социальная революция имеет комплексную природу: *«Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает также в качестве технологической революции, совершается и революция в производственных отношениях»*. И мог ли кто-нибудь в начале XX в. предположить, что современная научно-техническая революция (а, следовательно, и *социальная* революция) начнется во второй его половине?

Следующим представителем неомарксизма в формате «коррелятивно-субъектной» парадигмы выступает «отец» русского марксизма - Г.В. Плеханов. Он становится непримиримым идейно-политическим критиком большевизма (марксизма, по его определению, «инстинктивного») уже с 1903 г., когда последний, по выражению Ленина, формируется «и как течение политической мысли, и как политическая партия». Плеханов, блестяще предсказывая финальное поражение большевистской партии, высказывает, кстати, весьма примечательное предположение о том, что *в условиях России*

Маркс был бы, пожалуй, чистейшим меньшевиком. Георгий Валентинович отчетливо понимал, что Россия нуждается не в замене одного «централизованного деспотизма» другим, а в становлении *гражданского общества*, могущего успешно противостоять *любой* его форме. Эта нереализованная и к началу ХХI в. первостепенная по своей важности задача продолжает оставаться ключом к «европеизации» России.

Философию марксизма уже в начале ХХ столетия отдельные его российские представители не всегда безошибочно и продуктивно, но в целом небезуспешно пытались «соединять» с иными философскими системами. По такому пути пошли легальные марксисты П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, эмпириомонист и создатель тектологии А.А. Богданов и целый ряд других. Отказавшись от марксистской ортодоксии, они, по словам Бердяева, не могли «вместиться» и в марксизм. Но, творчески перерабатывая многие спорные положения современной им немарксистской философии, все они, тем не менее, внесли определенный вклад и в сокровищницу марксизма, оставаясь субъективно его убежденными приверженцами.

В частности, если Бердяев использует диалектическую формулу неоднозначной *системной* сущности марксизма, то высказанные П.Б. Струве соображения до сегодняшнего дня остаются непревзойденным образцом *генетического* анализа учения Маркса. Струве по сути единственным из всех его «учеников» высказал гениальную догадку о том, что закономерность *фрагментации* марксизма (или, как он выражается, его «критического разложения»), есть обратная сторона его «ассимиляции» и в то же время *предпосылка* формирования его грядущей органической *целостности*. Собственно говоря, на протяжении всего ХХ в. мы и наблюдали малопонятную картину «растаскивания» классического марксизма по «частям». В том числе и теми, кто выступал от имени признаваемого официально «неомарксизма».

Безусловная заслуга диссертанта заключается в предпринимаемой им попытке «обнаружить возможные основы концептуальной целостности неомарксистского понимания революционной практики». При этом автор высказывает ряд ценных замечаний, касающихся социально-философских аспектов постановки и решения данной проблемы. Проведенное им исследование осуществляется в контексте той парадигмы, которая на сегодняшний день является общепризнанной и в отечественной, и в зарубежной литературе. Другое дело, что сама по себе «волновая» парадигма эволюции неомарксизма ни единственно возможной, ни теоретически безупречной не является, оставляя слишком много нерешенных вопросов.

Преемственная связь с «гегельянским основанием» в ряду некоторых исторических параллелей причудливым образом отразилась и на исторической судьбе созданного Марксом *комплексного* учения. Однако ограничиваться этим горизонтом в оценке творческого наследия классического марксизма было бы совершенно неоправданно. Поэтому поиск иной модели «реконструкции концептуальных оснований того понимания революционной практики, которое можно было бы назвать соответствующим истории развития неомарксизма», требует своего продолжения.

Вместе с тем, решение этой задачи в полном объеме в формате кандидатской диссертации является заведомо невыполнимым. В то же время нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что выход за пределы общепризнанной «волновой» парадигмы эволюции неомарксизма сам по себе не может не носить дискуссионный характер. Отдавая себе в этом отчет, я лишь гипотетически формулирую возможность построения иной модели неомарксистского понимания революционной практики, учитывая, как отмечает диссертант, что «неомарксистская философия исторически, и концептуально является *неоднородным* образованием».

Автореферат соответствует диссертации, ее основные идеи отражены в публикациях автора.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, **Шулико Георгий Андреевич**, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия.

Официальный оппонент:
доктор философских наук,
профессор кафедры
социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин

Московского финансово-юридического
университета МФЮА

Сергей Котельников

М.Е.

Котельников Михаил Евгеньевич

3 июня 2021 г.

Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА»

Адрес: 115191, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1

Телефон: (495) 232 - 01-63

web-сайт: www.MFUA.ru